

УДК 94(4)

А. В. Фомичев, Л. С. Фомичева

**ЭТА ПОЛИТИКА ИМЕЛА НАЗВАНИЕ:
«ПОЛИТИКА УМИРОТВОРЕНИЯ АГРЕССОРА»**

В Великобритании, США, других западных странах, а теперь порой и в России предпринимаются попытки бездоказательно, вопреки истине возложить ответственность за развязывание второй мировой войны на Советский Союз. Заключенный советским руководством 23 августа 1939 года договор о ненападении с Германией и секретный «дополнительный протокол» к нему, полагают они, расчистили фашистской Германии путь к реализации планов по переделу мира и позволили немецким войскам первого сентября 1939 совершить нападение на Польшу [1, с. 3].

Возможно, эти суждения и следует принять во внимание, если руководствоваться не жестокой реальностью, а умозрительными абстракциями, вырванными из контекста времени. Между тем, анализ международной обстановки и внешней политики советского государства в 30-е годы XX в. позволяет усомниться в подобных суждениях. Факты свидетельствуют: в этот период СССР последовательно выступал за создание системы коллективной безопасности и сдерживание агрессоров. Последнее означало, прежде всего, сохранение Версальско-Вашингтонской системы и коллективные действия против агрессора.

Коллективного отпора агрессорам, как известно, не получилось. Механизм сдерживания агрессоров не сработал. Почему? Дать ответ на этот вопрос не получится, не уяснив суть так называемой «политики умиротворения», которую западные демократии проводили в период 30-х годов.

В словарях можно найти различные, подчас существенно отличающиеся толкования этой политики. Так в «Энциклопедии американских внешних сношений» ее авторы пишут, что в 30-е годы «этим термином обозначались уступки возмущенным (тем или иным ходом событий) странам, чьи обиды или недовольство имели определенное основание, в

надежде разрядить обстановку и добиться восстановления мира и доброжелательных отношений (между сторонами конфликта). Умиротворяющая сторона действует с позиции силы, но ее поведение мотивируется не страхом или неуверенностью, а сознанием того, что именно так надо управлять государственными делами и применять концепцию ограниченных уступок, которые (как считает эта сторона), не будут угрожать ее жизненно важным национальным интересам» [2].

Иное толкование понятия «умиротворение» мы находим в российских энциклопедиях. В частности, в российской Википедии оно трактуется как «политика, основанная на уступках и потаканиях агрессору. Состоит в урегулировании искусственно разжигаемых государством-агрессором международных споров и разрешении конфликтов посредством сдачи стороне, ведущей агрессивную политику, второстепенных и малозначимых, с точки зрения авторов этой доктрины, позиций и вопросов» [3].

Термин «умиротворение» в литературе наиболее часто употребляется для обозначения внешней политики британского правительства во главе с Невиллом Чемберленом в отношении нацистской Германии, особенно явственно проявившейся в период 1937–1939 гг. Определяя задачи кабинета в этой сфере, премьер-министр, как известно, исходил из того, что опасность для международной безопасности в Европе заключалась вовсе не в агрессивных намерениях Германии, а в недооценке западными демократиями остроты международного кризиса. Для того чтобы устранить нарастающие угрозы, следовало, по Н. Чемберлену, сохранять контакты со всеми участниками международного конфликта и решать существующие проблемы на основе взаимных уступок» [4].

Представляется необходимым уточнить: политика «умиротворения» в предвоенные годы проводилась не только Англией, но и другими западными демократиями; она касалась не только Германии, но и Италии, а вне европейского театра действий – также и Японии. Особо подчеркнем: политика «умиротворения» преподносилась ее апологетами мировой и собственной общественности как политика урегулирования международных споров и разрешения конфликтов посредством разумных переговоров и нахождения компромисса во избежание вооружённых столкновений и насильственного пути решения проблемных вопросов. Проводя такую

политику, Англия и Франция полагали, что им удастся удовлетворить разумные амбиции фашистских государств и остановить агрессоров.

Иная оценка политике «умиротворения» давалась руководством СССР. Суть этой политики, считало последнее, сводилась к тому, чтобы путём территориальных, военных, экономических и политических уступок связать Германию, Италию, Японию определёнными обязательствами и направить их агрессию против СССР. Замысел творцов такой политики, по мнению отечественных историков, «состоял исключительно в том, чтобы в конечном итоге привести либо к разгрому Советского Союза и насыщению фашистских держав до такой степени, что они перестали бы угрожать интересам западных демократий, либо к взаимному ослаблению воюющих сторон, но в любом случае – к обеспечению односторонней безопасности «умиротворителей». В действительности всё получилось наоборот. Политика «умиротворения», которая реально сводилась к бесконечным уступкам агрессорам, самым непосредственным образом подорвала безопасность многих стран Европы и Азии (в том числе и ее инициаторов). Жизнь показала, что она не столько сдерживала агрессоров, сколько поощряла экспансионистов к развязыванию крупномасштабной войны за новый передел мира [5, с. 26].

Советская историческая наука исследованию политики «умиротворения» уделяло пристальное внимание. На взгляд советских ученых, этот исторический феномен может быть разделён на 4 этапа. Первый этап – с сентября 1931 по декабрь 1935 года. Его начало связано с вторжением в сентябре 1931 года Японии в Манчжурию. Однако в силу того, что японская агрессия в перспективе своей имела антисоветский вектор развития ни Англия, ни Франция, ни другие западные страны не предприняли никаких шагов для её прекращения. Не был использован и миротворческий потенциал Лиги Наций. Понимание целостности и неделимости мира не было характерным для общественного сознания того времени. В результате на планете появился *первый очаг* войны.

На этом этапе прямым актом «умиротворения» явилась так же принятая в декабре 1932г. на Женевской конференции по разоружению Декларация о «довооружении» Германии, т.е. её праве на равенство в вооружениях. Это впоследствии поощрило германский реваншизм. Поскольку де-

кларация не сопровождалась какими-либо решениями об ограничении вооружений, она подхлестнула всеобщую гонку вооружений.

С приходом к власти в Германии фашистской диктатуры, не скрывавшей своих реваншистских устремлений, в мире образовался *второй очаг* войны. Не желая идти на какие-либо компромиссы по военным вопросам, Германия в октябре 1933 года покинула конференцию по разоружению и вышла из Лиги Наций. Предпринимая эти шаги, гитлеровское правительство учитывало благожелательную позицию Италии, Англии и Франции, подписавших с ним летом 1933 года так называемый «пакт четырёх» о сотрудничестве на основе признания права Германии на довооружение. Хотя в силу общественного возмущения «пакт четырёх», как известно, не удалось ратифицировать, правительства западных держав на практике следовали намеченному курсу. Например, когда в марте 1935 года, односторонне расторгнув военные статьи Версальского мира, Германия ввела всеобщую воинскую повинность, они ограничились лишь чисто формальными протестами. Англия, к тому же, не замедлила подписать с Германией военно-морское соглашение, допускавшее значительное увеличение германского флота. Таким образом, лидеры западных демократий не видели причин для смены политического курса, который проводился ими в 20-е годы и был нацелен на постепенное ослабление тягот унижительной для Германии Версальской системы.

Концом первого этапа политики «умиротворения» можно считать 1935 год, когда Англия и Франция (план Хора-Лавалля) сорвали робкие попытки Лиги Наций выступить против нападения Италии на Абиссинию, являвшуюся её равноправным членом. Тем самым Лиге Наций был нанесён смертельный удар: вера народов и правительств в неё как инструмент мира и безопасности быстро угасла [6, с. 90–95, 170–172.].

Второй этап политики умиротворения начался в конце 1935 года после провала плана Хора-Лавалля и продолжался до октября 1938 года. За эти неполные 3 года нацистская Германия серьёзно укрепила свои позиции. В марте 1936 года, пользуясь попустительством со стороны Англии и Франции, её войска в нарушение Локарнских обязательств безнаказанно вступили в демилитаризованную Рейнскую область, и вышли на французскую границу. В том же 1936 году Германия совместно с фашистской Ита-

лией, выступив на стороне мятежного генерала Франко, предприняла интервенцию против республиканской Испании. Интервенция осуществлялась на фоне политики «невмешательства» Англии и Франции при «нейтралитете» США, что в угоду интервентам на деле обеспечило фактическую блокаду Испании. В последующем эти страны признали, сначала де-факто, а после поражения правительства Народного фронта и де-юре, фашистское правительство генерала Франко. В марте 1938 года гитлеровская Германия осуществила аншлюс Австрии. Как и в предыдущих случаях, Англия и Франция, являвшиеся гарантами суверенитета Австрийской Республики, ограничились лишь формальным осуждением этой акции [6, с. 187–194].

В июле 1937 года продолжила военную экспансию в Китай империалистическая Япония. Её войска вторглись в северные и центральные районы этого государства. Однако, западные державы, как и в 1931 году, фактически ничего не сделали для пресечения агрессии. На созванной ими в ноябре 1937 года Брюссельской конференции по этому вопросу, они, не скрывая своего желания втянуть СССР в войну с Японией, отказались принять какие-либо коллективные меры.

В ходе разбойничьих войн оформился союз агрессивных государств. В октябре 1936 года соглашение о военно-политическом сотрудничестве заключили Германия и Италия. Месяцем позже был подписан пресловутый «антикоминтерновский пакт» между Германией и Японией. Год спустя к нему присоединилась Италия. Тем самым был создан блок фашистских и милитаристских государств (так называемая ось Рим-Берлин-Токио), представлявший весьма серьёзную угрозу всеобщему миру [5, с. 27–28].

Кульминацией и завершением второго этапа явилось Мюнхенское соглашение (октябрь 1938 г.) четырёх государств (Англии, Франции, Италии и Германии), предусматривавшее отторжение в пользу Германии Судетской области Чехословакии, населенной немцами. Скрытый замысел западных стран по поводу Мюнхенского соглашения состоял в том, чтобы застраховав себя соглашениями с Германией, подтолкнуть её к войне с СССР. Вернувшись в Лондон, премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен предъявил публике на аэродроме подписанное соглашение со словами: «Я привёз мир для целого поколения» [4]. Однако уже в следую-

щем году стало ясно, что политика «умиротворения» не принесла Европе долгожданного мира.

Третий этап политики «умиротворения», наступивший после Мюнхенской сделки, продолжался до сентября 1939 года. В этот период соответственно Англия и Франция подписывают с Германией Декларации о разрешении возникающих между ними спорных вопросов путём переговоров, т.е. фактически договариваются о ненападении. Затем в марте 1939 года позволяют ей полностью оккупировать оставшуюся часть Чехословакии, в результате чего Чехия превратилась в «Протекторат Богемии и Моравии», а Словакия, формально оставаясь независимым государством, в сателлита Германии. В апреле 1939 года фашистская Италия безнаказанно вторглась в Албанию, а гитлеровское правительство аннулировало военноморское соглашение с Англией и принудило Литву уступить Мемельскую область (современная Клайпеда). Вскоре, разорвав договор о ненападении с Польшей, Германия потребовала от последней территориальных уступок: сначала предоставления экстерриториальной сухопутной дороги до Восточной Пруссии, а затем – проведения референдума о принадлежности «польского коридора».

После предоставления Польше гарантий её независимости со стороны Великобритании и Франции становится ясно, что война Германии с этими государствами очень вероятна. Так и случилось: 1-го сентября 1939 г., спровоцировав нападение на Польшу, Германия разожгла пожар новой мировой войны. Таким образом, внешняя политика Великобритании и Франции, «скармливавших» Гитлеру по частям Европу в надежде на обеспечение таким путем собственной безопасности и направлении германской экспансии на Восток, с треском провалилась.

Однако на этом политика «умиротворения» агрессоров не заканчивается. Ничем иным, как её продолжением, а, следовательно, и *четвёртым этапом* следует считать время «странной войны» (с сентября 1939 года по май 1940 года). Естественно, в течение этих месяцев «умиротворение» осуществлялось уже в новых, весьма своеобразных условиях, когда Англия и Франция формально находились в состоянии войны с Германией. И только с вторжением последней во Францию и началом бомбардировок Англии политике «умиротворения» был положен конец. Ублажать агрес-

соров за счёт самих себя оказалось, увы, невозможным. Страны – «умиротворительницы» оказались вынужденными защищаться. Но воевать пришлось уже в условиях крайне неблагоприятных. Превосходство противника стало очевидным, а время изменить ситуацию было упущено. Таким образом, история предъявила свой счёт «умиротворителям» и заставила их расплатиться за свою политику сполна [5, с. 29].

Такова вкратце интерпретация основных вех и итогов политики «умиротворения», как она представлена в советской историографии. Вместе с тем, причины и содержание этой политики в советской исторической науке трактуются, на наш взгляд, несколько однобоко. Главным мотивом, объясняющим проведение такой политики, советские ученые считали слепую ненависть к социализму правящих кругов Запада, их стремление любой ценой направить экспансионистские устремления Германии и Японии в сторону СССР. Между тем, мотивировать политику «умиротворения» только классовой ненавистью к СССР, значит упрощать проблему. Данный подход не учитывает ряд весьма существенных факторов и уже поэтому не может быть признан полным и достаточным. При анализе международной обстановки в предвоенный период, на наш взгляд, следует принять во внимание следующее:

1. В 30-е гг. в странах-победительницах господствовали устойчивые пацифистские настроения. Соппротивление агрессорам требовало мужества, использования силы, готовности к определенным жертвам. Однако сама мысль об этом для людей, которые совсем недавно пережили страшную трагедию, казалась невозможной. Население боялось повторения ужасов мировой войны. Поэтому общественность стран-победительниц выступала категорически против использования силы в международных отношениях. С этими настроениями правящий класс Англии и Франции не мог не считаться. Что касается Китая и Эфиопии, то эти страны казались западным демократиям слишком далекими, чтобы видеть в них реальную угрозу европейской безопасности.

2. Приход в Германии к власти фашистов западные демократии не сразу восприняли как потенциальную угрозу. Планы нацистов о мировом господстве не воспринимались всерьез, расценивались как дань националистической риторике. Гитлер рассматривался как сильный национальный

лидер, демонстрирующий стремление к восстановлению справедливости в отношении униженной поражением в войне страны. Это вполне коррелировалось с политической линией, проводившейся странами-победительницами в 20-е – начале 30-х годов, и исходившей из необходимости постепенного ослабления для Германии бремени Версальской системы. Можно смело утверждать, что правительства Англии и Франции долгое время видели в А. Гитлере (как и в Б. Муссолине!) политическую фигуру, с которой вполне можно договариваться. Вероятно, этим объясняется отсутствие должной реакции западных демократий на агрессивные действия фашистов, демонстрировавших полное презрение к международному праву.

3. Способность западных демократий к противодействию агрессивным действиям Германии, Италии и Японии оставалась крайне невыразительной на фоне экономического кризиса 30-х годов и обострения взаимного соперничества стран-победительниц в поисках путей его преодоления. Внимание общества, политических и экономических элит этих стран было сфокусировано на внутренних проблемах, на путях преодоления экономических трудностей, которые рассматривались как приоритетные по отношению к международным.

4. Как известно, особенно больно мировой экономической кризис 1929–1932 гг. ударил по США, вызвав тяжелые последствия для национальной экономики и материального положения миллионов людей. Поиск путей выхода из этого крайне разрушительного кризиса породил в американском обществе стремление отгородиться от мировых проблем в своей «американской крепости». После принятия в 1935 году закона о нейтралитете, США с их огромными ресурсами и способностью влиять на мировые дела полностью устранились от вмешательства в мировую политику. Это резко повысило шансы агрессоров, как в Азии, так и в Европе.

Такие общественные настроения, господствующие в странах Запада, нашли отражение в политике «умиротворения», пассивности и излишней осторожности в отношении агрессивных устремлений стран оси.

5. Свою долю ответственности за выбор Западом политики «умиротворения», на наш взгляд, несёт и Советский Союз. Между внешней и внутренней политикой страны, безусловно, существует тесная связь. Тота-

литарный режим с его ультралевым экстремизмом, идеологическим мессианством, извечными поисками внутреннего и внешнего врага породили недоверие и страх по отношению к политическому руководству СССР. Развязанный Сталиным в мирное время «большой террор» не только вызывал недоумение, но и создавал впечатление двуличности и лицемерия советской политики, сочетавшей в себе декларативную приверженность демократии с антигуманной практикой [5, с. 32]. Сталинизм превратился в глазах миллионов людей в своеобразное пугало. Наконец, террор и репрессии в СССР создавали в западных странах впечатление его внутренней нестабильности. Это не могло не формировать благоприятной среды для тех сил на Западе, которые ратовали за отказ от сотрудничества с СССР [7, с. 120]. Убеждая общественность в «слабости и неподготовленности» Советского Союза, политическое руководство Запада стремилось оправдать не только капитуляцию перед требованиями Германии и ее союзников, но так же демонстрировало стремление избавиться от нежелательного и тягостного союзника.

Конечно, не прошёл бесследно и дуализм советской внешней политики 20-х годов. Западные страны считали большевиков идеологически враждебными, поэтому не видели в советском руководстве равноправного и полноценного партнера в проведении европейской политики. Западных политиков сдерживали, прежде всего, опасения, что в случае создания антигитлеровской коалиции с участием СССР, последний резко усилит своё влияние в Европе, а в случае войны с Германией и ее вероятного поражения – добьется большевизации последней. Этот страх оказался сильнее опасений чрезмерного усиления гитлеровского рейха.

Думается, все эти обстоятельства во многом проясняют вопрос, почему попытки создания системы коллективной безопасности в Европе в 30-е годы потерпели неудачу. В заключение отметим: внешней политике всех ведущих держав в этот период были присущи общие черты: 1) приоритет национально-государственных интересов над интересами интернациональными, что выражалось в торжестве национального эгоизма над коллективистскими началами при решении международных проблем; 2) крайняя идеологизация внешнеполитических доктрин, что мешало установлению доверительных, дружественных и равноправных отношений в мировом сообществе [5, с. 33]. Однако это не дает оснований возлагать от-

ветственность за развязывание второй мировой войны в равной степени на все стороны конфликта. Безусловно, основную вину за развязывание второй мировой войны несли гитлеровская Германия и ее союзники. Попытки западных политиков, историков, журналистов представить Советский Союз пособником фашистов в деле развязывания войны – неправомерно. Факты свидетельствуют, что начиная с 1932 г. СССР последовательно выступал за создание системы коллективной безопасности и сдерживание агрессоров. Однако именно Англия и Франция предпочли политике коллективной безопасности политику «умиротворения» агрессора, и этим сорвали предложения СССР по противодействию агрессивным действиям Германии, Италии и Японии. По этому поводу авторы упоминавшейся американской энциклопедии справедливо резюмируют: «Следующие один за другим поражения лишь укрепляли намерения умиротворителей достичь поставленных целей путем интенсификации своих усилий. Но в результате политика, задуманная с благородными целями, выродилась в политику интриг и махинаций и, в конце концов, завершилась унижительной капитуляцией» [2].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. См.: **Наджафов Д.Г.** Советско-германский пакт 1939 года и его исторические последствия // Вопросы истории. 2006. № 12. С.3-22
2. Цит. по: **Pipes D., Stilman M.** // Jerusalem Post. 05.07 2000.
3. [http: ru.wikipedia](http://ru.wikipedia). Политика умиротворения
4. Цит. по: [http: ukrmap. Su](http://ukrmap.Su). Всемирная история. Политика «умиротворения» агрессора и ее крах.
5. **Фомичев И.В.** Международная обстановка: курс на войну или упрочение мира? // Вторая мировая: до и после. – Воронеж, ВИПКРНО, 1993.
6. См.: История второй мировой войны 1939-1945. В двенадцати томах. Том первый. – М.: Воениздат, 1973.
7. **Фомичев А.В.** Послевоенный мир: противоречия и борьба систем (1945–1955) // Вторая мировая: до и после. – Воронеж, ВИПКРНО, 1993.